

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ. ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 72.01, 7.01

DOI: 10.17673/Vestnik.2021.02.19

М. В. ДУЦЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД. ЖИВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ ИСТОРИИ

A MODERN CITY. LIVING REALITIES OF HISTORY

Статья посвящена реальности современного исторического города в совокупности актуальных значений ценного наследия, следов прошлого, ментальных кодов, архетипических образов и памяти цивилизации. Место истории в сегодняшнем социокультурном поле и в профессиональном контексте определяется далеко не однозначно. Вместе с пониманием необходимости сохранения наследия, следов и памяти прошлого присутствуют тенденции глобального характера, что опосредует черты локального в архитектуре. Однако и этот компромисс не может в полной мере проявить всю сложность жизнеспособности исторического города. По убеждению автора, необходим поиск оснований, порой оказывающихся за пределами материальной реальности, но адресующих напрямую к духовному миру и ментальному пространству человека, что является основной целью статьи. Акцент сделан на художественном измерении средовых реальностей, позволяющем определить живые связи истории и современности на основе авторской концепции художественной интеграции. Статья проиллюстрирована некоторыми результатами сотрудничества Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета и Миланского технического университета в области реконструкции и реновации исторически ценных территорий и авторскими фотографиями.

Ключевые слова: архитектурная среда, контекст, реновация, современный исторический город, образ города, миф, культурная память, средовые реальности, художественная интеграция

Введение

Современный город наполняют бесчисленные реальности, как всеобщие, так и персональные, каждый момент времени становящиеся

The article is devoted to the reality of the modern historical city in the totality of the actual values of the valuable heritage, traces of the past, mental codes, archetypal images and the memory of civilization. The place of history in today's socio-cultural field and in the professional context is not clearly defined. Together with the understanding of the need to preserve the heritage, traces and memory of the past, there are global trends that mediate the features of the global in architecture. However, even this compromise cannot fully demonstrate the complexity of the historical city viability. According to the author, it is necessary to search for reasons that sometimes appear outside the material reality, but address directly to the spiritual world and mental space of a person, which is the main purpose of the article. The emphasis is placed on the artistic dimension of environmental realities, which allows us to determine the living connections of history and modernity on the basis of the author's concept of art integration. The article is illustrated by some results of cooperation between the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering and the Polytechnic University of Milan (Politecnico di Milano) in the field of reconstruction and renovation of historically valuable territories and author's photographs.

Keywords: architectural environment, context, renovation, modern historical city, image of the city, myth, cultural memory, environmental realities, art integration

историей. Они взаимопроникают, порой сталкиваются, порождая противоречия и конфликты. Новое и современное нам мы постоянно соотносим с традицией, даже если не вполне

в нее верим. Такое динамичное «силовое поле» никак не укладывается в застывший формат города-музея, либо этот «музей» обязан перерасти свои рамки. Не оспаривая благородную идею сбережения вещественных памятников культуры, попробуем увидеть возможности непротиворечивого сосуществования старого и нового в сегодняшнем художественном измерении городской среды. Историческая среда способна стать частью сегодняшнего сознания, вернее, она априори таковой является. Обидно и нелепо, что человек (и профессионал, и пользователь) зачастую это забывают или избегают соприкасаться со столь непростыми вопросами. Периоды возвращения интереса к традиции и традиционному не могли пройти бесследно, и было бы наивным говорить об архитектурно-градостроительном проектировании без оглядки на прошлое. В сегодняшнем профессиональном мышлении заложен этот камертон, даже если он не признается открыто.

Таким образом, следует отыскать возможности сопричастности каждого жителя историческому потоку. Именно эта черта способна естественным образом усилить меру внутренней ответственности человека перед окружающим пространством, причем пространством в потоке времени и в контексте культуры. Намеренно обойдем стороной бесспорно необходимые вопросы роли власти, правового регулирования, а также важные аспекты профессиональной «грамотности» зодчего. Задачи данного исследования – увидеть возможности художественно-образные, не столь очевидно завышающие от следования регламентам.

Представляется, что связующим началом в многомерном поле исторического города действительно выступает среда в различных интерпретациях: средового подхода, средового сценария, средового единства. Понятие контекста не раз выручало и позволяло сохранить исторический образ места. Вероятно, нет смысла пересматривать в корне «средовые» грани профессионального сознания, но есть явная потребность в расширении понятия и, как следствие, в обновлении понимания города.

Предлагается выделить ряд оснований или направлений искомого развития:

- интеграция архитектуры, искусства и дизайна;
- внимание к материальным и художественным реальностям города;
- обогащение культуры профессионально-общественного сообщества и общества в целом.

Мифы и реальности города

«Мифы приходят и уходят, путешествуя с места на место. Каждое поколение рассказывает

их по-разному, добавляя новое к полученному от отцов наследию.

Но за этой реальностью, меняющейся от эпохи к эпохе, стоит иная, стабильная реальность, в значительной степени неподвластная времени» [1, с. 22]. (Альдо Росси. «Архитектура города». 1966 г.)

Тенденция обращения к истории и образам минувшего времени ожидаемо сопряжена концепции среды и выражается в совокупности направлений: музеефикация, воссоздание утраченных средовых фрагментов, говорящие метафоры, символы и архетипические значения, погружение в атмосферу прошлого – создание особой ауры. Этот ряд может быть расширен, исходя из многообразия сегодняшней научной школы реставрации. В аспекте исследования реальностей исторического города следует акцентировать особые «пограничные зоны», приобретающие ключевое значение.

В первую очередь, с позиции жизнеспособности среды, важен ресурс «проживаемой» истории, когда наследие и артефакты прошлого трактуются не как декорации, а как реальные соучастники актуальных событий. Пространство и постройки обнаруживают свое полноценное существование в нескольких временах, что транслируется и на восприятие человеком [2]. Возникает историческая среда, обогащенная живыми связями с минувшим и происходящим.

Своего рода метафизическим путем продления исторического образа является не просто воссоздание подлинного мотива, а погружение в атмосферу [3] (Г. Бёме) и (или) формирование ауры (В. Беньямин), т. е. комплекса средовых намеков, вызывающих чувства и предчувствия. Ауру следует понимать как некое излучение, оболочку, распространяемую вовне [4]. Она окружает явление или произведение и продолжается далеко за их пределы – за пространственные, временные и дисциплинарные границы. В этом смысле мы способны «улавливать» лучи ауры давно минувшего или даже практически неизвестного нам – только по отдельным свидетельствам, деталям, косвенным фактам и, главное, живущим в истории и поле культуры образам-отголоскам, передаваемым по сложным цепочкам. В определенном смысле, все обладает аурой или приобретает ее. Хочется верить, что ориентация на созидание и сбережение ауры в еще большей степени, чем атмосферы, поможет преодолеть проблемы потребительского отношения к миру каждого отдельного представителя общества, а также станет спасительным звеном в процессе восстановления целостности культурных и цивилизационных

связей. Наиболее поэтическим направлением, связывающим пространство и жителя или гостя, предстает следование чувствам человека.

Любой город в нашем восприятии (сознании, памяти, воображении) всегда представляется между мифом и реальностью. Город – это реальная мифология и «мифологическая» (мифологизированная и мифологизируемая в веках и сейчас) реальность. Мы с готовностью понимаем и принимаем, что архитектурное пространство не может считаться полноценным без сопровождения адресованным человеку смыслом и вымыслом... Все совокупное пространство города должно жить! Однако искусственное «оживление» исторических мест столь же нелепо, как и забвение их. Следует помнить, казалось бы, непреложную истину: город составляют многоликие и разновременные здания, рукотворные и нерукотворные пространства, события, люди. Он живет жизнью своих жителей. Следовательно, наибольшую ценность приобретает такая среда жизни, в которой сохранены возможности реализации личной истории каждого. Истории, соприкасающейся с течением всего времени.

Есть смысл прислушаться к некоторым суждениям теоретиков архитектуры относительно мифологической сущности города. Так, А. Росси, процитированный в эпиграфе, в своих высказываниях признавал абсолютную ценность именно за явленной реальностью, ее вещественной правдой. Не случайно главам своей книги «Архитектура города» будущий мастер дает такие заголовки: «индивидуальность фактов городской среды» или «факт городской среды как произведение искусства». Однако парадоксальным образом свой творческий метод архитектор выстроил практически полностью на фактах личной истории с приоритетом персональной художественной реальности над контекстом места. На эту черту обращает внимание и П. Айзенман, анализируя проектную стратегию Росси как альтернативную историческим подходам [5, с. 184].

Свою метафизическую художественную версию истории места предлагает писатель Итало Кальвино в работе «Невидимые города». «В "Невидимых городах" не найти узнаваемых городов, – пишет автор, – только города вымышленные» [6]. Книга составлена из коротких глав, каждая из которых должна представлять собой одну реплику, отражающую каждый город, или город вообще. Так появились отвлеченные и воздушные «Утонченные города», «Города и глаза», отмеченные визуальными свойствами, «Города и обмены», характеризующиеся обменами памятью, желаниями, пройденным и грядущим. Всего в книге 11 разных

типов описаний городов: «города и память, города и желания, города и знаки, утонченные города, города и обмены, города и глаза, города и имя, города и мертвецы, города и небо, протяженные города, потаенные города» [6]. «Невидимые города» – это сон, который рождается в сердце нежизнеспособных городов», – отмечает автор. И далее: «Моя книга открывается и закрывается образами счастливых городов, которые постоянно обретают форму и исчезают, прячутся в городах несчастливых» [6]. Это поиск «другой реальности», в которой города предстают целостными, непрерывными и художественно совершенными. Книга «Невидимые города» – яркий пример вытеснения первичной реальности (исторических фактов) вторичной «семиотической» реальностью, реальностью текста.

Достоинством примером достоверного сопряжения исторической реальности и мифа служит ставшая классикой реконструкция Кастельвеккьо (итал. Castelvechio – старый замок) в Вероне по проекту Карло Скарпа (рис. 1). Пространственный сценарий посещения музея позволяет не только ознакомиться с экспозицией, но и максимально живописно и разнообразно прочувствовать архитектуру самого замка в контексте окружающего пейзажа. Залы чередуются с открытыми переходами, аутентичные стены с бетонными включениями, близкие ракурсы с панорамными видами со стены. Помимо упомянутого богатства впечатлений, существует более тонкий мотив, повсеместно определяющий загадочную притягательность объекта: способ бытования реальности мастера. Действительно, Скарпа настолько погружен в исторический материал, что результатами его собственной «лаборатории» [7] (выражение М. Тафури) стали уникальные авторские фрагменты и детали, словно пропитанные исторической правдой. «Многогранная формальная скарпианская лаборатория представляется также как уникальная партитура, где ноты – принадлежащие неуловимому коду – расположены в секвенции преобразований, осложнённой переплетениями, усеянными паузами и внезапными переменами регистра. Более того: повторения мотивов и решений провоцируют своего рода замкнутый иконизм, признание которого может помочь прочесть поиски Скарпа», – заключает критик и теоретик Манфредо Тафури [8]. Все архитектурные элементы предельно индивидуальны, не копируют прошлое, но обладают духом «историчности», достоверностью правдивого артефакта. Личная мифология приобретает силу и убедительность временных наслоений.

Рис. 1. Реконструкция Каstellвеккьо в Вероне по проекту Карло Скарпа
«Скарпианская лаборатория». Эмоциональный сценарий. Авторские детали с историей
Фото М.В. Дуцева, 2018 г.

Встреча реальностей в современной городской среде. Реальности современной городской среды: художественное измерение

Встреча реальности продолжающейся традиции и реальности нового, всегда путающей своей неизвестностью, драматична. Такие встречи болезненны и в материальном, и в ментальном пространствах. Представляется, что человеку требуется еще одна «реальность» – стыковая, связующая, позволяющая примерить смыслы, адаптироваться к новациям, стать истинным соучастником городской истории. Это реальность «осмысления», живая среда меняющегося образа. Безусловно, основным «местом» ее реализации становится сознание и процессы культурных трансформаций, но возможно и вещественное воплощение – в архитектурно-художественной среде города.

Итак, обращаясь к проблеме реальностей, тесно связанной с качествами достоверности среды, ее исторической и культурной правды, мы приходим к потребности в ее укрупнении за

границы пространственно-временных мер, т. е. к идеям сверх-реальностей. В спектре подобных воззрений примечательны не только утопические конструкции, но и логические. Например, идея «гиперреальности» Жана Бодрийяра предполагает слияние естественно-природного и рукотворного мира с виртуальной реальностью [9, с. 401]. Концепция философа всецело воспринята Жаном Нувелем, о чем красноречиво свидетельствует их совместный «Луизианский манифест», а также основной посыл работ архитектора: «Всякое современное искусство абстрактно в том смысле, что оно пропитано идеей гораздо более, чем воображением форм и субстанций» [9, с. 300]. Здесь важен взгляд за пределы материальности. М.Р. Невлютов, исследуя творчество Нувеля, приходит к заключению, что «архитектура описывается через гиперреальность, ее судьба всегда выходит за свои пределы» [9, с. 309].

В свою очередь, А.Г. Раппапорт в работе «Воображаемое и реальное» [10, с. 403] поднимает три слоя действительности. Первая при-

рода – которая не зависит от воли человека. Вторая природа – совокупность произведенных человеком вещей. Третья природа – воображаемая (и изображаемая), напоминающая мир духов. Здесь же уместно вспомнить идею ученого об эволюционном переходе к архитектурной «субстанции» [11], включающей вместе с принятыми пространственно-временными мерами мотивы переживания, атмосферные планы, грани и мотивы личностного контакта автора и произведения.

В контексте системы архитектурного творчества одной из современных и продуктивных обобщающих методик представляется концепция художественной интеграции («Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре», диссертация на соискание степени доктора архитектуры, защищенная автором этого текста в 2014 году), в которой связующей стала идея «поля» как метафоры сложных взаимодействий и взаимных влияний, изменчивости и нестабильности архитектурных феноменов [12]. Согласно концепции, введена система «полей» художественной интеграции: пространственно-временного, художественного, персонально-личностного. Художественная интеграция в архитектуре понимается как совокупность многомерных процессов созидания или воссоздания архитектурно-художественной целостности с учетом эстетических ценностей и ориентиров. В проекции исторической среды поле художественной интеграции обуславливает созидание целостности, т. е. взаимной выраженности и созвучия части и целого: отдельного объекта и ансамбля, авторского взгляда и объективных культурных смыслов, материи и «духа места».

Архитектурно-художественная интеграция. Пространственно-временное поле

В пространственно-временном поле – поле контекстов, пространство, время и восприятие человека неразрывно сплетены. Одно выражено в другом по принципу целостности, поэтому предложенное выделение составляющих носит условный методологический характер. Пространство и время «встречаются» в архитектурной форме, которая фиксирует стиль, концепцию, язык отдельного зодчего и эпохи в целом. Именно форма в этом интегральном ракурсе восприятия – осязаемый результат творчества архитектора и вещественное послание адресату – реальному и потенциальному. Таким образом, вполне закономерно считать архитектуру собирательной «формой» времени – воплощением художественного «хронотопа».

Целостная система пространственно-временной художественной интеграции выстраивается в единстве направлений:

- художественная концепция – пространство синтеза искусств: пространственного синтеза; временного синтеза; пространственно-временного синтеза;

- концепция социальной активации (адаптации) – интерактивное пространство: игры – пространство для развлечения и праздника; многомерного диалога – коммуникативное пространство; комфортного или интенсивного эмоционального поля – эмоционально насыщенное пространство;

- концепция контекста – пространство условных ограничений: вымышленного контекста – «идеальное» пространство авторского замысла;

- историко-культурный контекст – пространство реставрации, реконструкции и модернизации; непрерывности городской среды – целостное пространство города; экологическая концепция – органическое природное пространство;

- концепция технического сопровождения – пространство инновационных решений: конструктивная – пространство передовых разработок и конструкций;

- медиативная – информативное и медиа-пространство; эргономическая – удобное пространство жизнедеятельности человека; технологическая – пространство по современным эксплуатационным требованиям;

- концепция многомерного интеграционного синтеза – интегральное городское пространство.

Таким образом, исторический город – многомерное интеграционное «поле» взаимодействия пространств, времен, людей, концепций, художественных явлений и технологий по базовым слоям интеграции: средовому, деятельностному, концептуальному и универсальному. С антропоцентрической точки зрения городской организм развивается как организованное пространство жизнедеятельности – среда. В свою очередь среда складывается во взаимопроникновении природного и искусственного, в постоянном диалоге культур, искусств и профессиональных интересов, в сосуществовании разной архитектуры. Течение времени определяет вечную диалектику традиций и новаторства как смены стилей, направлений, художественных концепций. При этом именно художественное начало задействовано в каждом элементе многополярной системы, рождая целостный художественный образ города в творчестве архитектора, в сознании адресата, в произведении архитектурного искусства.

Попробуем увидеть некоторые закономерности, позволяющие существовать и развиваться городу (во всем его многообразии)

в нескольких измерениях одновременно. Сейчас нас интересует город, в первую очередь в двух реальностях – повседневно-материальной и образно-символической, устремленной в вечность. Любая из возможных реалий города обладает ценностью и заслуживает самого бережного отношения. Созидание реальностей становится задачей современного культурного сообщества и зодчего-профессионала, что не нуждается в пояснениях. Важно выделить иное: помимо сбережения, иной раз даже музейного, сохранившихся вещественных памятников, фрагментов среды и структуры городских пространств, существенной становится миссия создания условий формирования правдивой индивидуальной реальности каждого.

Исторический контекст обнаруживает здесь также переплетение множества нитей, как тянущихся во времени от исторических персонажей, так и личные истории наших современников. Именно так, индивидуально, транслируются культурные коды города, обрастая вымыслом, «неточностями», ошибками в фактах. Но эти погрешности неизбежны и могут даже сообщать новые оттенки реально произошедшему. Для архитектора необходима возможность реализации его персональной истории. Для адресата желаемо хотя бы частичное попадание в резонанс с пространством и читаемость архитектурного послания. Для города в целом представляется важным наличие определенных незыблемых «каркасов», определяющих правду, и более свободно сменяемого заполнения, открытого интерпретациям.

Во многом в помощь осмыслению искомой структуры приходит классика отечественной архитектурной теории, «каркас», «ткань» и «плазма» [13], с поправкой на не столь жесткие значения. «Каркас» и его элементы в основе развития исторической среды могут быть выбраны и достраиваться творчески, т. е. представлять каждый раз защищенное и гармонично интегрированное наследие, с одной стороны, и отправную точку для индивидуального мифотворчества – с другой. «Ткань» удерживает некую достаточную «массу» среды. «Плазма» может быть переведена в область индивидуальных представлений и предпочтений как элемент личностного выбора. В схожем ракурсе выстраивается концепция историко-культурных каркасов общественных пространств А.Л. Гельфонд: «Гипотеза – для обеспечения целостности архитектурной среды исторического поселения предлагается создавать потенциальные пространственные каркасы их общественных пространств. Потенциальный пространственный каркас (ППК) формируется как интегральный на основе природно-экологического, историко-культурного, обществен-

но-делового пространственных каркасов исторического города. В зависимости от заданной «доминанты», диктующей конкретный тип ППК, он может быть музейно-выставочным, памятническим, туристическим, этнологическим, etc.» [14]. Очевидно, что городу, как и иному сложному организму, в нашем понимании всегда требуется некая устойчивая (пусть временная) структура и свободная «переменная». Аспект реальностей усложняет, умножает, но не отменяет то и другое.

Живые реальности города

Таким образом, в контексте исторического города существенным методическим действием становится смещение акцента с самого наполнения, содержания составляющих в сторону процесса, когда понятие «среды» уступает место идее «средовой связи», основанной на художественной интеграции. В качестве наглядных примеров могут послужить ежегодные фестивали (или бьеннале) современного искусства, городские праздники, выставки или иные культурные события, в процессе которых зачастую происходит переоткрытие среды ее, казалось бы, ежедневным пользователем. Другой показательной тенденцией может считаться своего рода «изобретение» ценности путем приращения ранее не существовавших связей. К примеру, сохранение в интерьере ничем не примечательной росписи XIX века при реконструкции здания Нового музея в Берлине (Д. Чипперфилд, Д. Херреп) обусловило ее «музейное» звучание в контексте новой художественной мифологии реконструированного пространства.

Безусловно, на пути соединения контрастных по происхождению «мифов» возникают порой спорные, даже курьезные ситуации. Так, цельная в своей историчности, поэтично рифмующая старое и новое среда Маастрихта (Нидерланды) располагает к себе и убеждает в безусловной правде своей реальности, что не мешает ей становиться местом весьма смелых и во многом спорных инициатив. Неожиданным и даже провокационным мероприятием может показаться программа реновирования культовых сооружений: здания церковей предоставляются в аренду различным организациям с условием реставрации ценного наследия (рис. 2). Качество реставрационных работ не вызывает сомнений, однако такая функциональная свобода и вольные интервенции актуального дизайнера на данный момент удивляют, даже шокируют. Так, мы встречаем интегрированное в барочный интерьер лобби отеля, выполненное в игровой стилистике: дигитальная «воронка» входа, вычурные светильники, мод-

ные флуоресцентные цвета и интерактивные «обманки». Гостиничные номера располагаются в соседнем здании в помещениях бывших келий, а церковный двор превращен в веселое общественное пространство. Другой пример спокойнее – это книжный магазин-библиотека, где структурную основу составляют стеллажи, царит сосредоточенность и тишина. В обоих примерах использован один композиционный принцип: возведение в центральном нефе само-несущей конструкции по принципу этажерки, наполненной новыми функциями. Несмотря на некоторые сомнения этического плана, подобная реновация представляется ценным опытом, так как уже сейчас позволила восстановить архитектуру и росписи соборов в условиях финансовых затруднений собственника, т. е. церкви. С другой стороны, здесь реализован эксперимент по встрече разновременных сюжетов в режиме реальных городских сценариев. Насколько это оправданно – покажет время.

Отмеченные инициативы далеко не бесспорны, носят отчасти временный характер и могут вступать в противоречие с действительно ценными произведениями, принадлежащими вечности. Здесь необходимо еще одно, казалось бы, очевидное, но столь редкое

качество – культурная зрелость общества. Сегодня за этой безликой формулировкой можно усмотреть ряд новых черт. Одна из них – индивидуализация внутри массового. Данная тенденция интересна, в первую очередь, с позиции отдельной личности – будь то архитектор, дизайнер, художник или адресат творческого послания. Выбор своей траектории понимания очень заметен в Интернете, когда каждый пользователь в персональном порядке формирует поле своих пристрастий. Как при этом работает критериальный аппарат и каково место гипотетического экспертного сообщества – вопросы открытые.

В более крупном контексте указанная линия порождает сегодняшний тренд глокализации на стыке достижений (или заблуждений) глобального мира и локальных культурных традиций [15]. Данная тенденция притягательна в условиях реновации исторической ткани города с учетом ее уязвимости, причем не только физической, но и образной. Деликатность и дружелюбность среде – свойства сложно достижимой гармонии. Современная среда Барселоны может послужить примером ряда успешных совмещений функций, времен, авторских стилей. Красивым жестом, позво-

Рис. 2. Маастрихт (Нидерланды). Примеры реновации культовых сооружений: отель
Фото М.В. Дуцева, 2012 г.

лившим не утратить идентичности, стало сохранение труб бывших котельных в дворовых пространствах реконструируемых кварталов. Новые дополнения среды следуют глобальным тенденциям, но наследуют характер атмосферы места. Например, библиотека Сант Антонио – Жоан Оливера (Sant Antoni – Joan Oliver Library) – объект крошечный, но обладающий важным интегральным посылом (рис. 3). Неслучайно его авторы, каталонское бюро RCR Arquitectes, Рафаэль Аранда (Rafael Aranda), Карме Пижем (Carme Pigem) и Рамон Вилальта (Ramon Vilalta), стали обладателями Прицкерской премии 2017 года именно по сумме достижений в области реализации глобального подхода.

Библиотека является удачным примером реализации целого ряда современных веяний к организации медиа-пространства, ориентированных на различные социальные потребности. Занимая небольшой участок, даже играя роль дома-вставки по фронту улицы, библиотека представляет мини-культурный центр с развитой функциональной программой: основные фонды и читальные залы, информационные и выставочные зоны, специализированный детский отдел. Кроме этого, непосредственно

к библиотеке по первому этажу примыкает клуб для пожилых людей. Очевидна интеграция социальных функций. Архитектурному решению присуща предельная открытость: весь объем здания буквально просматривается насквозь по вертикали и по горизонтали. Городское окружение беспрепятственно входит в интерьер, чему способствует использование больших плоскостей остекления, включая просветы между ступенями «амфитеатра». Цельность архитектурного образа достигается применением монохромного цветового решения. Особый шарм архитектуре придает единство художественной темы в решении интерьера и экстерьера: строгость, элегантность и проницаемость своеобразных вертикальных жалюзи. Таким образом, библиотека предстает демократичным пространством в продолжение города, обладающим цельным пластическим строем, запоминающимся и одновременно растворяющимся в исторической городской среде.

Итальянский опыт. Проекты реновации исторической среды

Серьезный опыт в аспекте реновации и модернизации среды исторических городов апробируется в сотрудничестве с Миланским техни-

Рис. 3. Библиотека Сант Антонио-Жоан Оливера в Барселоне (Sant Antoni - Joan Oliver Library). RCR Arquitectes. 2007 г. Фото М.В. Дуцева, 2008 г.

ческим университетом. Европейская тенденция переосмысления исторических территорий простирается гораздо дальше и глубже, чем популярная ревитализация промышленных зон. Это работа с разными проявлениями реальности выбранной территории. В таком случае место, наполненное историческими кодами, становится настоящим экспериментальным полем, творческим полигоном и исследовательской лабораторией для состоявшихся и начинающих архитекторов, преподавателей, студентов, а также заинтересованных участников строительного бизнеса и административных структур.

Важно отметить системное методическое значение такого рода проектов, решающих комплекс задач. Во-первых, это поиск оптимальных для территории решений, который ведется совместно с бизнес-сообществом. Обратная связь здесь необходима и поддерживается межпрофессиональными союзами и ассоциациями. По сути, осуществляется последовательная выработка технического задания на проектирование. Следует обратить внимание на несколько обязательных функциональных сценариев, без которых не мыслится реализация проектных инициатив:

- привлечение бизнеса (создание условий для стартапов, организация коворкингов);
- музейная функция (с опорой на память места);
- туристическая функция и иная популяризация потенциала места;
- городская общественная рекреация (экологический ресурс);
- гостиницы, резиденции, жилье;
- обслуживание.

Методические уроки выносятся для себя все стороны диалога. Для непосредственных участников конкурсов, воркшопов, проектных семинаров (как студентов, так и действующих архитекторов) работа в условиях ценной среды дает ни с чем не сравнимый опыт – исследовательский и практический. Вернее всего было бы назвать этот опыт духовным или ментальным, так как речь идет о глубоком погружении, о проживании нескольких слоев реальности во временной развертке. Наконец, регулярно проводимые подобные мероприятия служат безусловному накоплению фактологических знаний, связей и методик в активной базе самих организаторов. Показательно, что в такой роли часто выступают университеты или иные научно-образовательные организации, что указывает на признание их высокого статуса. Международные проектные семинары, собирающие смешанные команды участников, становятся этапом в их образовательной траектории за счет определенных предпочтений для поступления

в магистратуру, которые даются занявшим призовые места. Так происходит развитие программ магистерской подготовки соответствующей тематики и их сетевая коммуникация.

Особую роль играет реновация территорий, обладающих ценным археологическим наследием. Так, начинания Академии Адриана (*Accademia Adrianea di Architettura e Archeologia*, Рим) сориентированы на профессиональное осмысление уникальных ансамблей в истории человеческой цивилизации. При этом археология, обладающая незыблемой ценностью, не рассматривается только в музейном значении. Основной целью исследовательских и проектных инициатив Академии становится скорее попытка возвращения ценнейшего исторического материала в сегодняшний поток жизни с обязательным соблюдением охранных режимов. Постоянным творческим полигоном Академии является территория виллы Адриана в Тиволи (*Villa Adriana*, Рим), где проходят ежегодные конференции, проектные фестивали и конкурсы («*Piranesi Prix de Rome*»). Международные команды участников соревнуются в организации туристического маршрута и компонентов среды с обязательным учетом нескольких фиксированных требований: незыблемость артефактов прошлого, культурная идентичность, использование характерной темы воды, как и общая экологичность проекта. С учетом факта неприкосновенности окружения большинство идей и процессов естественным образом существуют только в проектной, по сути, игровой реальности. Студенты и кураторы участвуют в экскурсиях, обсуждениях, защитах своих командных предложений, тем самым набирая искомый опыт. Студенты, занявшие призовые места, имеют преимущества для дальнейшего продолжения обучения в магистратуре по соответствующему профилю в филиалах Академии в разных городах Европы. Параллельно проходит конкурс теоретических и практических разработок среди профессорско-преподавательского состава и архитекторов-практиков. Таким образом, не только накапливается спектр возможных подходов к «реновации» данной территории, но и осуществляется серьезный вклад в подготовку квалифицированных кадров.

След личности. Реновация территории бывшей бумажной фабрики в Ваприо-д'Адда

В рамках сотрудничества ННГАСУ с Миланским техническим университетом (Politecnico di Milano).

Ваприо-д'Адда (*Vaprio d'Adda*) – коммуна в Италии, в провинции Милан области Ломбардия. Рассматриваемый нами живо-

писнейший уголок в своем сегодняшнем бытовании представляет место встречи нескольких исторических реалий: городок Вапприо, связанный с именем Леонардо да Винчи, заброшенная бумажная фабрика со своей судьбой, частные владения. Помимо этого, самостоятельной силой обладает сам природный характер окружения: гора, река, остров. Историческая часть города Вапприо находится на холме, к ней можно добраться по лестницам, ведущим от моста через реку, либо по магистралам. Остров с фабрикой отделен каналом и расположен под холмом. Город уже обладает некоторыми удачными примерами интеграции нового, и в обоих случаях это инженерные сооружения: мост и соединенная со смотровой площадкой лестница, поднимающаяся к историческому центру. Здесь актуальная эстетика не стала помехой достоверности восприятия окружения.

Обратимся к концепции реновации бывшей промышленной территории в совокупности контекстов и мотивов, особенно центрального, разыгранного вокруг личности Леонардо да Винчи. Экомудей Леонардо должен выступить сердцем будущего комплекса, в который, по мысли проектировщиков, будут включены площади для инновационных разработок

и стартапов, презентационные залы, обширная рекреация у воды, а также необходимые жилые площади (рис. 4).

Городок Вапприо сыграл действительно примечательную роль в судьбе гения Ренессанса. Эта роль связана с обретением здесь мастером своего ученика и последователя Франческо Мельци, который после смерти Леонардо стал наследником его документов, рисунков и рукописей. Великий художник и изобретатель оставался в имении отца Фр. Мельци Джироламо Мельци в непростой для себя период конфликтов и недопонимания с заказчиками в Милане и Флоренции. Можно сказать, что Вапприо стал для него местом отдыха и восстановления сил. Определенная умиротворяющая энергетика ощущается здесь и сегодня...

Адресация к такой сильной персоналии стала не единственной, но значимой контекстной «легендой» разрабатываемого проекта, своего рода «гением места». Архитекторы увидели продуктивность темы в интеграции концепции «новаторский дух Леонардо» и особенностей уже реализованной здесь инженерной мысли: электростанции, технологии бумажного производства и, особенно, уникального канала Падерно и Мартесана, проложенного на отметке на несколько метров выше уровня реки.

Вапприо-д'Адда. Вид с канала в сторону реки.
Справа – подъем в историческую часть города. Фото М.В. Дущева, 2019 г.

Рис. 4. Реновация территории бывшей бумажной фабрики в Вапприо-д'Адда¹, 2019 г.

¹ Рабочая группа: профессора Миланского технического университета Claudio Fazzini, Massimo Bellotti, Gabriele Masera, Ida Russo, Piero Poggioli при участии студентов Politecnico di Milano и Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ). Проект находится в стадии разработки.

Лестница-смотровая площадка для подъема в историческую часть города.
Фото М.В. Дуцева, 2019 г.

Бывший главный машинный зал фабрики. Фото М.В. Дуцева, 2019 г.

Рис. 4. Окончание

Комплекс бывшей бумажной фабрики (основана в 1774 году графом Паоло Монти Мельци) состоит из главного здания и нескольких павильонов на территории. Основной объем имеет три этажа, а также большой колонный зал, пример архитектуры конца XVIII века, с отсылками к палладианскому стилю с рядом двойных колонн, арочными кирпичными сводами и вторым светом, повторяющим полукруглую тему арок. Интерьеры открывают возможность для интерпретации, особенно главный зал с уцелевшими проемами в цокольный этаж, где монтировалось оборудование – бумагоделательные машины. Благодаря колоннам, сводам и характерной симметричной композиции зал рождает ассоциации с нефом католического собора, что открывает ресурс перевода пространства из утилитарного в возвышенное и торжественное.

Ожидаемый социально-экономический эффект от модернизации не менее значим, чем художественный: архитекторы предполагают, что функционирование обновленной территории будет способно компенсировать потерю того, что для общины Ваприо д'Адда обеспечивала работа бумажной фабрики почти сто пятьдесят лет. Кроме этого, важным элементом реконструкции должен стать новый путь сверху из города сквозь модернизируемый комплекс – вниз к реке – к новой общественной зоне отдыха.

На данный момент проект реновации представляет целую серию неоконченных итераций, каждая из которых добавляет новые идеи, условия, варианты, прежде всего для формирования удачного проектного задания. Проектные сессии не свободны и от явных трудностей и даже неудач, к которым можем отнести попытки формирования жилых комплексов на острове (в виде отдельных жилых блоков, «гибридов», версий «экодеревни»), а ведь с реализацией нового жилья во многом связаны важные социальная и коммерческая программы проекта. Появление нового масштаба застройки каждый раз оказывалось губительным для зыбкой гармонии, которая сейчас характеризует это место.

Исследования и проектные инициативы продолжают. Подводя промежуточный итог, следует еще раз обозначить основные русла движения смыслов, которые еще предстоит свести воедино в контексте модернизации территории. В первую очередь, это развитая по всем координатам пространственная структура самого городка и его приречной зоны, а также сохранившееся наследие бывшей бумажной фабрики и ее пространственный потенциал, что должно выступить в роли

интегрального каркаса. Важен и уникальный экологический ресурс долины реки Адда, определяющий социальную привлекательность. Особое место занимает инженерное наследие, его прогностический потенциал, в том числе и в плане формирования исследовательского инновационного ядра при поддержке Миланского технического института. Наконец, реальность исторического мифа – тема Леонардо да Винчи и его синтетического гения! Каждый из обозначенных потоков словно несет свою полноправную реальность в общий многоголосый сплав.

Реальность памяти. Реновация области Абруццо (Abruzzo) в Южной Италии

Долина Верхнего Авентина печально известна в Италии как место драматического противостояния между союзными войсками и немецкими оккупационными силами зимой 1943–1944 гг. После окончания войны расположенные здесь населенные пункты оказались частично или полностью разрушенными. Исключение составили лишь церкви, которые не пострадали. Итальянские архитекторы особым образом классифицируют сам объект реновации, называя такие локации «хрупкими территориями», где зафиксированы разрушительные события различной природы естественного и (или) антропоного характера, которые серьезно подрывали местную экономику, что приводило к прогрессирующей депопуляции и растущей утрате самобытности. Долина Верхнего Авентина представляет как раз характерный пример подобной территории с историей, в некоторых случаях очень древней, отмеченной на протяжении тысячелетий стихийными бедствиями, после которых жители вопреки всем трудностям восстанавливали свой мир. Военная операция фашистов, особенно использованная ими тактика «выжженной земли», стала последним и фатальным испытанием.

Исследование под руководством профессора Джузеппина Э. Чинкве (кафедра гражданского строительства и вычислительной техники DiCIP Римского университета «Tor Vergata») и профессора Пьера Федерико Кальяри (кафедра архитектуры и градостроительства Миланского технического института) нацелено на разработку комплексного проекта в долине Верхнего Авентина, который может быть реализован только путем междисциплинарных архитектурных, социологических и экономических взаимодействий.

Уже сейчас проект предусматривает стратегическую интеграцию трех основных компонентов: культурных инициатив (модель

экомuzeя нового поколения), сервиса и услуг для граждан, коммуникативных ресурсов и туризма. По замыслу авторов восстановленная городская ткань Абруццо должна остаться «проницаемой» и неоднородной, что сохранит дух руин и обеспечит просматриваемость всей структуры. Преемственность обновленной среды может быть обеспечена только с опорой на «генетическую» память места и местные морфотипы. Для этого были определены повторяющиеся архитектурные элементы: типы лестниц, входов, арок. Далее предложено точечное восстановление застройки на основе принципов подобия, сохранения масштаба и мелкой парцеляции. Разнообразие и идентичность новых объектов в сочетании с историческими фрагментами позволит сформировать сложную пространственную композицию с богатыми силуэтными качествами (рис. 5).

Еще один слой решения проблемы «хрупкости» связан с конструктивными решениями и инженерной защитой на случай землетрясения. Проектом предусмотрено использование систем сухого строительства, благодаря которым можно гарантировать сейсмическую стойкость, простоту монтажа на площадке, интеграцию с остатками ранее существовавших зданий, высокие энергетические характеристики. Особое внимание архитекторы проявили к возможностям деревянных конструкций, отметив определенную историческую цикличность в обращении к дереву и, в частности, современные примеры, такие как японский павильон на выставке Экспо-92 в Севилье Тадао Андо или культурный центр Жана-Мари Тжибау в Новой Каледонии Ренцо Пьяно. В исследовании конструктивных возможностей проведен историко-эвристический анализ древних деревянных конструкций, а также динамические

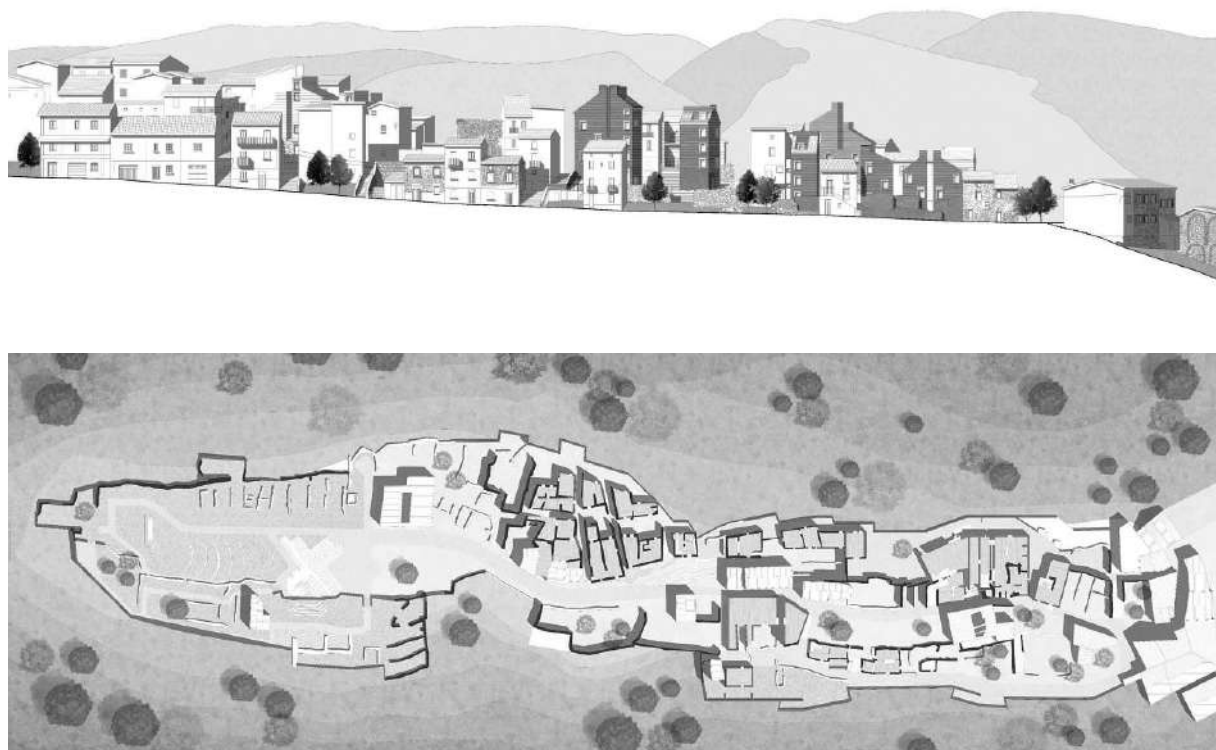

Рис. 5. Проект реновации территории города, пострадавшего от бомбардировок². ABRUZZO, «Gustav line». 2019 г. Материалы предоставлены разработчиками проекта из Миланского технического университета

² Проект был представлен в рамках программы ежегодной Международной конференции по «архитектуре для археологии» (International conference on architecture for archaeology «Piranese Prix de Rome»). Авторский коллектив: Massimo Bellotti, Pier Federico Caliarì, Giuseppina Cinque, Antonella Grimaldi, Andrea Gallo, Elena Eramo, Federica Pisacane, Greta Allegretti, Alessia Rampoldi, Baratta Gaia, Borrello Francesca Maria, Caturegli Filippo, Congiu Ilaria, Egidi Beatrice, Fioretto Chiara, Gafita Lia Oana, Monella Riccardo, Motta Federico, Principi Irene, Ronzitti Federica, Santambrogio Roberta.

испытания деревянных конструкций X-LAM на платформе МКИ. Эксперименты показали достаточную прочность выбранных решений в условиях, имитирующих землетрясение, что подтверждает логику их использования в этом районе.

Данный конкурсный проект показывает не только встречу архитектурно-художественных и инженерно-строительных реалий, но и диалог внутри каждого направления. Например, внедрение конструктивной темы дерева, выходящей за границы местной традиции, представляется явным экспериментом и возможным якорем нового цикла в истории деревянной архитектуры.

Заключение. К индивидуальной правде реального...

Подводя итоги нашим рассуждениям, еще раз зафиксируем некоторые актуальные проявления пограничных реальностей архитектурной среды исторического города, которые становятся носителями сущностных смыслов, качеств и мотивов при реновации города. Успех обновления среды в этом ракурсе заключается не столько в функциональной реорганизации или в грамотной профессиональной реставрации и реконструкции, сколько в сохранении и реализации средовой наполненности, взаимосвязанности, интегративности. Многоликие реалии городского пространства требуют соответствующих подходов к их сбережению или трансформации, которые, как следует предположить, могут быть основаны на концепции гибкой пограничной или стыковочной реальности. Рождается художественная сверхреальность или «гиперреальность» в новых значениях.

«Поэтическая» или даже «музыкальная» настройка исторического пространства не может быть единовременной, принятой раз и навсегда. Среда города подвижна, а образ исторического места максимально уязвим, зыбок, недолговечен. Внимание социума зачастую приковано к конкретным ценным объектам, наделенным соответствующим статусом и имеющим туристическую, т. е. уже коммерческую привлекательность. Однако отдельный отреставрированный памятник не способен «удерживать» среду – среда всегда больше и сложнее. Здесь было бы уместно высказать отчасти рискованный тезис о том, что культура понимания обществом также может быть объектом «реставрации», «реконструкции» или «модернизации»: не только в плане призыва к сбережению памяти или культурной идентичности, но и в аспекте повышения внимания к городскому организму и принятия его родовой сложности. Речь идет об особом

«внимании», внутреннем взгляде, искреннем, подготовленном, мудром.

Предложенная интегративная модель во многом лишь логическая конструкция, позволяющая проверить, насколько состоятельна обновленная среда, не произошло ли потери важных составляющих, как материального, так и не материального плана. К примеру, в историко-культурном аспекте данная реальность собирает следы истории и духа места, не давая выветриться накопленной памяти. В архитектурно-художественном опыте – способствует интеграции архитектуры, дизайна и искусства и позволяет жить образному началу или сосуществовать разновременным эстетическим формам и их трактовкам. В социальном измерении – определяет универсальность среды без потери адресности. Особое значение закрепляется за реальностью индивидуальной, опосредующей правду «отпечатка» среды в сознании автора или адресата. Средовая активация реальности города осуществляется на стыке персональной авторской мифологии и коллективной памяти места. Это действие требует от каждого участника особого уровня подготовленности и самого искреннего режима отзывчивости, развитого эмоционального начала и своего рода средовой эмпатии.

Реальности исторического города действительно многообразны. Помимо физической реальности нашего бытования, существует множество реальностей, проживаемых человеком, – это реальности сознания, ощущения, художественного образа. Неоспоримы реалии социальные, политические, экономические, которые определяют многое, но все же не могут в полной мере претендовать на объяснение или замену той реальности, которую ищет дух человека... Помимо этого, мы можем предположить реальности вне человека. В контексте утверждения чего-то реального всегда присутствует стремление к правде, состояние правды, определяющее доверие человека к окружению. Представляется, что успех работы в исторической среде во многом достигается созданием такой средовой конфигурации элементов, такого соотношения мер, при котором несколько разных реальностей могут согласованно и естественно сосуществовать. Носитель каждой реальности не теряет в своей правде, а субъект не испытывает чувства обмана. Это в равной степени может быть отнесено и к прагматической стороне мероприятий (функциональное наполнение, удобство и универсальность пользовательских сценариев), и к художественно-образной составляющей, не терпящей «подделки».

Таким образом, метафорическая последовательность средовых реальностей может

быть выстроена по принципу движения от исторической достоверности, через ряд социальных взаимодействий (перформативных, интерактивных, соучаствующих, игровых) и художественных полей, к авторской реальности архитектора или к персональному представлению пользователя среды. Множества индивидуальных миров составляют продленную в ментальном пространстве мифологию реальности. Здесь мы также можем выявить уровни сохранения исторического, вернее те масштабы среды, которые попадают в поле деятельности профессионала и порождают реально проживаемую историю места:

- город как структура и как образ, включающий фрагменты, городские ансамбли, разновременные наложения;
- архитектурные объекты как носители исторического мифа;
- средовые активаторы памяти в городской среде.

Актуальные примеры «живой» среды балансируют на границе разных реальностей исторического города и при этом дают им возможность состояться, реализоваться в социальном пространстве. Порой эти «стыки» болезненны и не снимают противоречия старого – нового. В определенном смысле они становятся экспериментальной площадкой, показывающей готовность среды или социума к тем или иным решениям. Такой поиск оптимума, подбор вариантов «по живому», безусловно, часто обходится очень дорого... Но, признаем, полностью исключить ошибки невозможно, да и цена ошибки всегда имеет свою обратную сторону негативного, но опыта. Хочется верить, что идея реализации интегрированного целого при проектировании способна помочь средовой реальности быть исторически и культурно обусловленной, художественно наполненной, гуманной и жизнеспособной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Росси А. Архитектура города / пер. с ит. А. М. Голубцова: Strelka Press, 2015. 264 с.
2. Дуцев М.В. Искусство и среда города в потоке жизни // Современная архитектура мира. Вып. 9 / отв. ред. Н.А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 280 с.
3. Бёме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики / редакция 01.01.2018 теория/ <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/>
4. Художественная аура: истоки, восприятие, мифология / отв. ред. О.А. Кривцун. М.: Индрик, 2011. 560 с.
5. Айзенман П. Десять канонических зданий, 1950–2000 / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2017. 312 с.

6. Кальвино И. Невидимые города / пер. с ит. Н. Ставровской. Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=116130&p=1>

7. Yawein O. I., & Lisenkova E. V. (2018). Карло Скаarpa: «Поэзия рождается из вещей в себе». Academia. Архитектура и строительство, (3), 37–47

8. Tafuri M. Il frammento, la "figura", il gioco. Carlo Scarpa e la cultura architettonica italiana

9. Невлютов М.Р. Жан Нувель. За пределами архитектуры // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии: сб. науч. тр. и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / сост., отв. ред. И.А. Добрицына. М.: ЛЕНАНД, 2017. 432 с.

10. Раппапорт А.Г. Воображаемое и реальное // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии: сборник научных трудов и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / сост., отв. ред. И. А. Добрицына. М.: ЛЕНАНД, 2017. 432 с.

11. Раппапорт А.Г. Пространство и субстанция. Ч. 1. От функции к пространству // Academia. Архитектура и строительство. 2012. № 2. С. 20–23.

12. Дуцев М.В. Пути художественной интеграции в новейшей архитектуре // Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик: коллективная монография / авт.-сост. и отв. ред. Т.Г. Малинина. М.: БуксМАрт, 2020. 500 с.: ил.

13. Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Будущее города. М.: Стройиздат, 1977. 126 с.

14. Гельфонд А.Л. Концепция формирования потенциальных пространственных каркасов исторических поселений // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С. 26–34.

15. Данилова Э.В. Неиконическая архитектура: к концепции глокальности // Архитектура и строительство России. 2018. № 2. С. 42–47.

REFERENCES

1. Rossi A. *Architettura goroda* [The Architecture of the City, Italian: L'architettura della città]. Moscow, Strelka Press Publ., 2015. 264 p.
2. Dutsev M.V. (2018) The art and the city environment in the flow of life. *Sovremennaya arhitektura mira* [Modern architecture of the world], 2018. 280 p. (in Russian)
3. Böhme G. "Atmosfera" kak fundamental'noe ponyatie novoj estetiki [Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics]. Teoriya. Publ., 2018.
4. *Hudozhestvennaya aura: istoki, vospriyatie, mifologiya* [Artistic aura: origins, perception, mythology]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 560 p.
5. Aisenman P. *Desyat' kanonicheskikh zdaniy, 1950–2000* [Ten Canonical Buildings, 1950–2000]. Moscow, Strelka Press Publ., 2017. 312 p.
6. Kal'vino I. Invisible cities. Per. s it. N. Stavrovskoj. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=116130&p=1>
7. Yawein O.I., & Lisenkova, E.V. Carlo Scarpa: "Poetry is Born of the Thing in Itself". *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academy. Architecture and construction], 2018, no.3, pp. 37–47. (in Russian)

8. Tafuri M. Il frammento, la "figura", il gioco. Carlo Scarpa e la cultura architettonica italiana

9. Nevlyutov M.R. Jean Nouvel. Beyond architecture. *Voprosy teorii arhitektury. Arhitektura: sovremennyy opyt professional'noj samorefleksii* [Questions of the theory of architecture. Architecture: modern experience of professional self-reflection]. Moscow, 2017, pp. 299–310. (in Russian).

10. Rappaport A.G. Imaginary and real. *Voprosy teorii arhitektury. Arhitektura: sovremennyy opyt professional'noj samorefleksii* [Questions of the theory of architecture. Architecture: modern experience of professional self-reflection]. Moscow, 2017, 432 p. (in Russian).

11. Rappaport A.G. Space and substance. Part. 1. From function to space. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academy. Architecture and construction], 2012. no. 2, pp. 20–23. (in Russian)

12. Dutsev M.V. *Puti hudozhestvennoj integracii v novejshej arhitekture* [Ways of art integration in contemporary architecture]. *Hudozhestvennye miry XXI veka. Puti integracii arhitektury i art-praktik: kollektivnaya monografiya*. [Art worlds of the XXI century. Ways to integrate Architecture and Art Practices: a collective monograph]. Moscow, BuksMArt Publ., 2020. 500 p.

13. Gutnov A.E. *Budushchee goroda* [The future of the city]. Moscow, Strojizdat Publ., 1977, 126 p.

14. Gel'fond A.L. The concept of forming potential spatial frameworks of historical settlements. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academy. Architecture and construction], 2019, no. 1, pp. 26–34. (in Russian)

15. Danilova E.V. Non-iconic architecture: to the concept of glocality. *Arhitektura i stroitel'stvo Rossii* [Academy. Architecture and construction], 2018, no. 2, pp. 42–47. (in Russian)

Об авторе:

ДУЦЕВ Михаил Викторович

доктор архитектуры, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды,
профессор кафедры архитектурного проектирования
Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет
ведущий научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры
НИИ теории и истории архитектуры
и градостроительства,
советник РААСН
603950, Россия, г. Н. Новгород, ул. Ильинская, 65
E-mail: nn2222@bk.ru

DUTSEV Mikhail V.

Doctor of Architecture, Head of the Design Architectural Environment Chair,
Professor of the Architectural Design Chair
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
Leading Researcher of the Department of Problems of the Theory of Architecture
Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning
Advisor to RAASN
603950, Russia, N. Novgorod, Il'inskaya str., 65
E-mail: nn2222@bk.ru

Для цитирования: Дуцев М.В. Современный город. Живые реальности истории // Градостроительство и архитектура. 2021. Т. 11, № 2. С. 139–154. DOI: 10.17673/Vestnik.2021.02.19.

For citation: Dutsev M.V. A modern city. living realities of history. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2021, vol. 11, no. 2, Pp. 139–154. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2021.02.19.